

Ю. И. Литвиновская

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Y. Litvinovskaya

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94

ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ В МАНЬЧЖУРИИ ОСЕНЬЮ 1931 Г. И РЕАКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

JAPANESE AGGRESSION IN MANCHURIA IN THE AUTUMN OF 1931 AND THE REACTION OF THE INTERNATIONAL COMMUNITY

Начавшаяся в сентябре 1931 г. японская агрессия в Маньчжурии вызвала серьезную обеспокоенность как великих держав – США, Англии, Франции, СССР, так и Лиги Наций. Однако приоритет собственных интересов и различного рода разногласия между ними не позволили принять эффективные меры пресечения агрессии и помощи ее жертве – Китаю.

Ключевые слова: Китай; Маньчжурия; конфликт; Лига Наций; комиссия Литтона.

Began in September 1931 Japanese aggression in Manchuria caused a serious concern of the great powers – the US, Britain, France, Soviet Union, and the League of Nations. However, the priority of their own interests and various differences between them did not allow to take effective measures to curb aggression and help the victim to China.

Keywords: China; Manchuria; conflict; the League of Nations; Commission of Lytton.

«Маньчжурский инцидент», произошедший 18 сентября 1931 г., повлек за собой оккупацию японской армией огромной территории Северо-Восточного Китая, с населением, превышающим 30 млн человек. Этот район Япония рассматривала и как надежный источник сырья и рынок сбыта в непосредственной близости от метрополии, и как плацдарм для дальнейшей экспансии на всем Дальнем Востоке. Возникла серьезная угроза не только безопасности Китая, СССР и Монголии, но и стратегическим интересам США и Великобритании во всей Азии.

Японская агрессия представляла собой грубое нарушение целого ряда международных договоров: подписанного в феврале 1922 г. на Вашингтонской конференции договора девяти держав, гарантировавшего территориальную целостность, суверенитет и независимость Китая, пакта Бриана-Келлога от 27 августа 1928 г., запрещавшего войну в качестве инструмента национальной политики и устава Лиги Наций. Однако то, что более чем сотысячная армия маньчжурского лидера Чжан Сюэяня не смогла оказать почти никакого сопротивления 14-тысячному отряду японских войск,

всецело зависело от позиции главы китайского правительства Чан Кайши, потребовавшего от маньчжурского маршала «во избежание расширения инцидента сопротивления ни в коем случае не оказывать» [2, с. 45].

Лидер гоминьдана полагал, что китайская армия не в состоянии оказать эффективное сопротивление японским войскам, поэтому не следует втягиваться в длительное, чреватое тяжелыми последствиями противостояние с Японией, а обратиться за помощью в решении конфликта к Лиге Наций и великим державам, в первую очередь США.

Весть о событиях уже на следующий день, 19 сентября 1931 г., разлетелась по всему миру. В этот день в Женеве должна была начать свою работу 12-я сессия Ассамблеи Лиги Наций и состояться 65-е заседание Совета Лиги. Представители Японии и Китая в тот же день передали в Совет заявления, в которых изложили свое видение событий 18 сентября [2, с. 190].

Спустя три дня китайский делегат в Совете Лиги Альфред Ши официально потребовал обсуждения вопроса об агрессивных действиях Японии и немедленном прекращении ею военных действий. Собравшийся на следующий день, 22 сентября, Совет Лиги Наций, выслушав конфликтующие стороны и не давая оценки действиям Японии, ограничился лишь призывом к обеим сторонам прекратить военные действия и отвести свои войска из Маньчжурии. При этом следует отметить, что японский представитель в Совете Лиги Наций Есидзава призвал участников заседания не вмешиваться в конфликт, а предоставить Японии и Китаю самим ликвидировать «местный инцидент», который не может считаться международным вопросом [1, с. 91].

Совет Лиги Наций намеревался также по настоянию китайского делегата направить в Маньчжурию специальную комиссию для обследования положения на месте, но в сентябре 1931 г. эту идею не удалось реализовать из-за того, что госсекретарь США Стимсон отказался ее поддержать, опасаясь роста националистических настроений в Японии [2, с. 49–50].

30 сентября 1931 г. очередная сессия Совета Лиги Наций завершала свою работу. Совет принял к сведению заявление японского правительства, полученное в ответ на обращение Лиги от 22 сентября, об отсутствии у него территориальных притязаний в Маньчжурии и намерении максимально быстро отвести свои войска из оккупированных районов, обещания правительств Японии и Китая предотвратить расширение инцидента или обострение ситуации [2, с. 55].

Дальнейшее продвижение японской армии в глубь Маньчжурии заставило китайское правительство потребовать от Лиги Наций принятия более эффективных мер против агрессора. 19 ноября китайский представитель в Женеве, где находилось руководство организации, начал добиваться применения в отношении Японии статьи 16 Устава Лиги Наций, предусматривавшей экономические санкции. Сама по себе эта акция в условиях

жестокого экономического кризиса была бы весьма болезненной для всех ее участников. В сложившейся ситуации весьма важной являлась позиция Соединенных Штатов, на долю которых приходилась одна треть всей мировой торговли с Японией.

Госсекретарь США Генри Стимсон поддерживал идею экономического давления на Японию с целью заставить ее прекратить агрессию. Однако окончательное решение вопроса зависело от президента страны Герберта Гувера, который стоял на других позициях. Президент считал, что экономические санкции – явление безнравственное, а применение их к великой державе, каковой являлась Япония, может спровоцировать военный конфликт. Воевать же с Японией Америке не было никакого резона, ибо жизненным интересам США она никак не угрожала. К тому же Г. Гувер не был уверен в твердой поддержке в этом начинании со стороны Англии и Франции, экономика которых была серьезно ослаблена в результате кризиса, а с другой стороны, их интересы в торговле с Японией были весьма существенны [2, с. 68]. В итоге вопрос об экономических санкциях остался нерешенным.

Для изучения ситуации, сложившейся в Маньчжурии, японское правительство предложило создать нейтральную комиссию, хотя в начале конфликта подобную идею оно отвергало. 10 декабря 1931 г. Совет Лиги Наций согласился с предложением Японии. Это было первым случаем применения на Дальнем Востоке методов беспристрастного обследования и урегулирования международных споров, как писал впоследствии государственный секретарь Соединенных Штатов Генри Стимсон [3, с. 54].

В комиссию вошли дипломаты из Англии, Франции, США, Германии и Италии. Ее возглавил лорд Литтон, бывший вице-король и генерал-губернатор Индии. К этому времени активная фаза маньчжурской операции японских войск была практически завершена. А поскольку прибытие комиссии Литтона ожидалось в апреле, Токио приняло решение поставить ее перед свершившимся фактом. Китайская администрация повсюду была смещена, а Маньчжурия отделялась от Китая, что нашло воплощение в провозглашении государства Маньчжоу-Го.

Отвечая 16 января 1932 г. на ноту протеста США, японское правительство утверждало, что «каждое изменение, имевшее место в персонале администрации Маньчжурии, было необходимым актом местного населения, которое не лишено права на самоопределение» [1, с. 95; 3, с. 297–298].

29 февраля 1932 г. Всеманьчурская ассамблея по указанию четвертого отдела Квантунской армии, осуществлявшей завоевание Маньчжурии, приняла «Декларацию о независимости нового Монголо-Маньчжурского государства». А 1 марта японский кабинет единогласно утвердил решение о создании на оккупированной территории государства Маньчжоу-Го. Его верховным правителем, с 1 марта 1934 г. императором, был поставлен по-

следний император цинской династии Пу И [4, с. 159, 163, 179]. 12 марта 1932 г. правительство Пу И обратилось с нотой к 17 государствам мира, в том числе США, Англии, Франции, Японии, Германии и СССР, с просьбой о дипломатическом признании Маньчжоу-Го [5, с. 36].

Япония тщательно подготовилась к встрече комиссии, прибывшей в Мукден 24 апреля 1932 г.: были арестованы «подозрительные» китайцы, города были наводнены японскими служащими и переодетыми в штатское полицейскими, жителей обязали украсить свои дома «национальными» флагами Маньчжоу-Го и портретами Пу И, к каждому члену делегации были приставлены сопровождающие.

Комиссия Литтона имела встречи с командованием Квантунской армией, членами маньчжурского правительства, японскими советниками и губернаторами провинций, верховным правителем Пу И. Вместе с тем, несмотря на все предосторожности, предпринятые властями, она получила около полутора тысяч писем от представителей различных слоев населения, в которых содержались свидетельства о совершенной Японией агрессии и марионеточном характере созданного в Маньчжурии режима [5, с. 36].

Комиссия Литтона работала в Маньчжурии около двух месяцев. В июне она возвратилась в Пекин и приступила к составлению доклада. 30 сентября он был вручен правительствам Японии и Китая, а 2 октября опубликован [6, с. 235].

После отбытия комиссии лорда Литтона из Маньчжурии японское правительство 15 сентября 1932 г., не дожидаясь оглашения ее доклада, признает Маньчжоу-Го де-юре и подпишет с ним секретный договор. «Япония признает тот факт, – говорилось в нем, – что Маньчжоу-Го образовалось на основе свободного волеизъявления народов страны и является независимым государством». При этом стороны договорились о том, что войска союзной японской армии должны находиться на территории Маньчжурии, «в количестве, какое это будет необходимо для обеспечения ее обороны и защиты» [5, с. 37].

24 сентября 1932 г. Япония обратилась в Лигу Наций с просьбой о шестинедельной отсрочке даты, установленной для обсуждения доклада Литтона, с тем, чтобы иметь возможность изучить его. Лига Наций удовлетворила эту просьбу [3, с. 144–145].

За время, когда комиссия Литтона производила свое расследование по поручению Совета Лиги Наций, рассмотрение спорного вопроса было решено перенести в Ассамблею Лиги, которая согласно уставу организации состояла из представителей всех членов Лиги. А поэтому поступивший доклад комиссии 28 ноября Совет передал Ассамблее, которая собралась 6 декабря 1932 г.

В докладе отмечалось, что действия японских войск в Маньчжурии не могут рассматриваться как меры законной самозащиты. «Фактически уста-

новлено, – говорилось в докладе, – что без объявления войны большая часть площади, составлявшей неоспоримо китайскую территорию, была насильно захвачена и оккупирована вооруженными японскими силами и в результате этой операции была отделена и объявлена независимой от остального Китая» [3, с. 142].

24 февраля 1933 г. Ассамблея Лиги Наций приняла резолюцию по рассматриваемому вопросу. В ней указывалось, что своими действиями в Маньчжурии Япония нарушила целый ряд международных договоров и соглашений – статут Лиги Наций, Парижский пакт (пакт Бриана – Келлога) и Вашингтонский договор девяти держав. Ассамблея не признавала созданное Японией марионеточное государство, отмечая, что управление Маньчжурией должно осуществляться «способом, совместимым с суверенитетом и административной целостностью Китая» [3, с. 192–193].

Ключ к решению конфликта Лига Наций видела в согласовании интересов Японии и Китая на основе уважения международных обязательств.

Это значило, что на самом деле Лига Наций не смогла выработать и принять эффективные меры по исправлению ситуации, прекращению агрессии. В её решениях не было сказано ни одного слова о применении санкций против агрессора. Они носили весьма миролюбивый характер по отношению к Японии.

Но даже в такой редакции резолюция Ассамблеи была негативно воспринята японской делегацией. Ее глава Мацуока Есукэ заявил, что «его правительство сильно расходится с Лигой в способах достижения мира на Дальнем Востоке и что достигнут предел в его попытках сотрудничать с Лигой в японо-китайском вопросе» [1, с. 102]. Японская делегация покинула Женеву, а 27 марта последовало официальное заявление Токио о выходе страны из Лиги Наций. 22 декабря 1933 г. Кабинет Министров Японии принял решение о восстановлении в Маньчжурии цинской монархии, что и было практически реализовано 1 марта 1934 г. [5, с. 39]. Что же касается дипломатического признания Маньчжоу-Го другими государствами, то до 1937 г. кроме Японии оно было признано папой римским (20 февраля 1934 г.) и Республикой Сальвадор [5, с. 283].

Японская же пропаганда в этих обстоятельствах широко использовала риторику о возрастании «коммунистической угрозы», с тем, чтобы создать впечатление в США и Европе, что ее действия в Маньчжурии вызваны необходимостью подготовки будущей войны против СССР. Этим в значительной степени можно объяснить то обстоятельство, что на первых порах ситуация в регионе не вызвала большой тревоги у американских дипломатов.

Такой подход сказался и на позиции американской прессы, которая избрала события в Северо-Восточном Китае как «местный инцидент, возникший по вине некоторых милитаристов, вопреки воле японского императора и правительства» [7, с. 98].

Политики «невмешательства» придерживалось и правительство Великобритании. Его посол в Токио Линдлей, посетив в конце сентября 1931 г. товарища министра иностранных дел Японии, заявил: «Англия уверена, что Япония может урегулировать маньчжурский вопрос без помощи извне. Поэтому английское правительство не делает никаких предложений и не дает никаких советов» [7, с. 100]. А 14 ноября газета «Таймс» писала, что «с политической и экономической точки зрения действия Японии имеют значительное оправдание». Французская «Либерте» в это же время рассуждала об уязвимости восточных советских границ: «и если Европа поймет свой долг перед цивилизацией, то бесконечные степи Сибири могут стать в ближайшие дни полем битвы, в которой погибнет большевизм» [8, с. 166].

Маньчжурские события не стали большой неожиданностью и для Советского Союза. О планах Квантунской армии Москва знала еще за месяц до начала их реализации. В условиях слабости советской обороны на Дальнем Востоке и неподготовленности страны к войне для СССР в складывающейся ситуации наиболее разумным было занять максимально осторожную позицию, не втягиваться в конфликт, а сосредоточить свои усилия на дипломатическом направлении [9, с. 627, 668–672].

30 октября 1931 г. было опубликовано сообщение Телеграфного Агентства Советского Союза об отношении правительства СССР к событиям в Маньчжурии, в котором говорилось, что «Правительство Союза держится политики строгого невмешательства.... никакая поддержка не оказывается СССР ни одной из борющихся сторон в Маньчжурии». 21 ноября это было вторично подтверждено в сообщении НКВД СССР [9, с. 627, 668–672].

Практическое завершение в конце 1931 г. оккупации Маньчжурии привело к возникновению на Дальнем Востоке новой геополитической реальности – японская армия вышла на советскую границу, что значительно увеличивало опасность военного столкновения. Это обстоятельство не могло не сказаться и на последующем развитии советско-японских отношений. Правительство СССР активизирует усилия в поиске их более безопасных путей. 31 декабря 1931 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов в ходе состоявшейся в Москве встречи с министром иностранных дел Японии К. Есидзавой предложил заключить между двумя странами пакт о ненападении [9, с. 746–748].

Вопрос о заключении пакта на протяжении всего 1932 г. был предметом острой борьбы в военных и дипломатических кругах Японии между сторонниками различных точек зрения как на характер отношений с Советским Союзом, так и на приоритеты внешней политики в целом. Со своей стороны советская дипломатия на различных уровнях предпринимала энергичные усилия по поддержанию мира на Дальнем Востоке.

12 мая 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) дало указание Полномочному Представителю СССР в Японии А. А. Трояновскому поставить в известность

Токио о готовности СССР заключить пакт о ненападении и с маньчжурским правительством в случае подписания аналогичного договора с Японией [2, с. 366–367]. Важным конкретным шагом на пути достижения взаимопонимания явился договор от 24 сентября 1932 г. о поставках в Японию в течение пяти лет, с 1933 по 1937 г., значительного количества советского бензина, необходимого для военных нужд [2, с. 95].

Маньчжурский кризис высветил необходимость решения еще одной проблемы – советско-китайских отношений. Стороны разорвали дипломатические отношения в 1929 г. Неспособность Лиги Наций принять эффективные санкции против японской агрессии привели к тому, что в начале 1930-х гг. гоминьдановский Китай оказался в состоянии фактической изоляции. Наилучший выход виделся в сближении с Москвой. Длившиеся в течение полугода переговоры в Женеве завершились 12 декабря 1932 г. обменом нотами о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Китаем [9, с. 680–681].

Это обстоятельство явилось своего рода индикатором в японо-советских отношениях. Токио расценил его как недружественный акт со стороны Москвы, означавший ее отход от ранее задекларированной позиции нейтралитета в японо-китайском конфликте по маньчжурской проблеме. В один момент исчезли все надежды на заключение советско-японского пакта о ненападении. 13 декабря 1932 г., в день опубликования сообщения о восстановлении отношений между СССР и Китаем, министр иностранных дел Японии Ясутоси Утида вручил советскому полпреду в Токио А. А. Трояновскому вербальную ноту, в которой сообщалось, что условия для подписания пакта о ненападении еще не созрели [9, с. 683].

В советско-японских отношениях начался новый период – роста напряженности и конфронтации. На Дальнем Востоке возник первый очаг будущей мировой войны. В сложившихся условиях международное сообщество не проявило стремления предпринять действенные меры для обуздания японского агрессора и воплощения в практику отношений между государствами норм международного права как единственно возможной альтернативы мирного сосуществования.

Список использованных источников

1. *Ефимов, Г. В.* Международные отношения на Дальнем Востоке / Г. В. Ефимов, М. Дубинский. – М.: Мысль, 1973. – Кн. 2 (1917–1945 гг.). – 294 с.
2. *Сафронов, В. П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане 1931–1945 гг. / В. П. Сафронов. – М., 2001. – 452 с.
3. *Стимсон, Г. Л.* Дальневосточный кризис / Г. Л. Стимсон. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 196 с.
4. *Усов, В. Н.* Последний император Китая Пу И (1906–1967) / В. Н. Усов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 415 с.

5. Захарова, Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии (1932–1945) / Г. Ф. Захарова. – М.: Наука, 1990. – 262 с.

6. История войны на Тихом океане: в 5 т. – М.: Изд-во иностран. лит-ры, 1957. – Т. 1: Агрессия в Маньчжурии. – 414 с.

7. Севостьянов, Г. В. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931–1933) / Г. В. Севостьянов. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 246 с.

8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. – М.: Кучково поле, 2012. – Т. 2: Происхождение и начало войны. – 1007 с.

9. Документы внешней политики СССР. – М.: Политиздат, 1968. – Т. XIV. – 872 с.

10. Документы внешней политики СССР. – М.: Политиздат, 1969. – Т. XV. – 867 с.

(Дата подачи: 05.01.2021 г.)

Д. В. Лишай

Белорусский государственный университет, Минск

D. Lishai

Belarusian State University, Minsk

УДК 323.26/.28(476.1)(091)«1861/1862»

ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОТЕСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1861–1862 ГГ.

RUSSIAN GOVERNMENT POLICY IN THE MATTER OF PUBLIC PROTEST ON THE TERRITORY OF THE MINSK PROVINCE IN 1861–1862

В статье рассматривается политика российских властей в отношении протестных акций на территории Минской губернии в 1861–1862 гг. Приведены основные меры, к которым прибегали власти для стабилизации ситуации в регионе. Анализируется влияние принимаемых решений на развитие повстанческого движения.

Ключевые слова: Минская губерния; политика властей; полицейский суд; временный военный губернатор; антиправительственная деятельность; манифестационное движение.

The article examines the Russian government policy in the matter of public protest on the territory of the Minsk province in 1861–1862. It describes the key measures taken by local government to stabilize the situation in the area and analyzes the impact that its decisions have had on the development of the insurgency.

Keywords: Minsk province; government policy; police court; interim military governor; anti-government activity; demonstration movement.

В 60-е гг. XIX в. в Царстве Польском, белорусских и литовских губерниях активно развивалось повстанческое движение. Апогеем этого процесса